

СТАРСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских
наук, профессор
Самарская
гуманитарная академия

В статье рассматривается симптоматичный для современности феномен геронтофобии и выявляются основания этой фобии. Ее истоки автор видит в страхе человека «общества потребления» перед «первичной реальностью», к столкновению с которой приводит старость. Геронтофобия истолковывается как одно из характерных проявлений неспособности «горизонтального человека» справиться с сознанием собственной конечности, в ситуации «смерти Бога» (Ф. Нише).

Ключевые слова: старость, страх, современность, секуляризация, симуляция, симулякр, новизна, скорость, поверхность, реальность, тайна, молчание, пауза, дистанция, недевание.

Время геронтофобствует. Вряд ли нужно доказывать, что на бирже символических ценностей «ставка старости» упали давно и основательно и что нет никаких признаков роста ее котировок. Старость в наши дни уже не ассоциируется ни с властью и богатством, ни со славой и мудростью. И если с материальной стороны старики сегодня обеспечены лучше, чем в прошлом¹, то моральный, символический проигрыш стариков очевиден. Старческие седины больше не вызывают уважения.

Американская писательница Стефани Фол, описывая образ жизни своих соотечественников, составила примечательный «список поступков, которые, с точки зрения жителей Нового Света, совершенно недопустимы». Этих «поступков» три: *старение, толстение и смерть*. Любопытно то обстоятельство, что старость,

¹ Речь идет о «евро-американском мире» в целом. Что касается положения российских пенсионеров и их сверстников в бывших союзных республиках, то оно за последние 20 лет, напротив, ухудшилось.

С. А. Лишаев

полноту и смерть Стефани рассматривает под рубрикой «Навязчивые идеи». Отношение американцев к старости описывается ей как однозначно негативное: «Старение в корне противоречит всем американским идеалам и понятиям. Лозунг и для мужчин, и для женщин – “Выгляди на двадцать лет моложе”. Старика, которых называют “людьми старшего поколения”, пытаются надуть урода с косой, подкрашивая волосы, натягивая джинсы, подтягивая кожу и подбирая животики. Американским постулатом в отношении старения можно считать высказывание Иваны Трамп, которая заявила: “Я всегда буду выглядеть на тридцать пять, но Дональду это обойдется недешево”»².

Но геронтофобия сегодня – не только американское явление. Такое же отношение к старости сформировалось и на европейском континенте. Современное западное общество *не приемлет старости*, видя в ней нечто такое, чего «приличные люди» должны стесняться и, по возможности, скрывать от окружающих. Практикуемый многими стариками молодежный стиль одежды указывает на их покорность «духу времени» и на стремление соответствовать общественным ожиданиям. Позволю себе предположить, что старики и старухи натягивают джинсы, облачаются в футболки и одевают бейсбольные кепки не от хорошей жизни. Они делают это потому, что выросли в обществе, не приемлющем старости. Когда-то, в годы своей молодости, они поглядывали на стариков с презрением или жалостью, и теперь им остается или жалеть и презирать себя за беспомощность и «никчемность», или до последней возможности «удерживать молодость».

Пафос новизны, императив потребления и геронтофобский эксцесс модерна. Страх перед старостью и ее исключение из числа тем, допущенных «к широкому обсуждению» (то есть попадающих на телеэкран, на страницы газет и журналов, на радио, а не только в специальные научные и философские издания), вряд ли кто-нибудь будет оспаривать. Важно однако понять причины, по которым старость *не уважают* не только молодежь и «люди среднего возраста», но и сами старики. Пожилые люди сегодня все чаще *стыдятся своих лет*, скрывают свой возраст и обижаются, когда их называют «стариками» или «старухами»... В этих словах им слышится что-то обидное и «несправедливое»...

В самом общем плане понятно, что культура, определившая себя как *Новое* время или как «модерн» (современность), сделала ставку на изменение жизненного уклада, на творчество, на изобретение небывалых еще социально-политических, экономических, технических форм и на перманентное улучшение-обновление жизни. В такой культуре новое, молодое поколение *должно* вступать в конфликт с поколением отцов. Чем более прочными становились позиции гуманистически ориентированной культуры Нового времени, тем сильнее становились символические позиции молодого поколения, тем больше ценилась молодость как наиболее деятельный, активный, нацеленный на обновление и развитие возраст. В то же время очевидно, что процесс обновления жизни был – особенно на начальных своих фазах – медленным, постепенным. А потому пожилым людям

² Фол, Стефани. Эти странные американцы. М., 1999. С. 15. Если бросить взгляд на список Стефани в целом, то мы увидим, что «фобия толстения» производна от геронтофобии: быть молодым – значит быть подтянутым, подвижным, здоровым и привлекательным, полнота же вызывает прямо противоположные ассоциации, она «старит» человека и свидетельствует о его «нездоровье». В свою очередь страх смерти (говорить о смерти в американском обществе считается, по свидетельству той же Стефани, верхом неприличия, «признаком сумасшествия») определяет собой и геронтофобию, и «тягу к худобе». Впрочем, старость вызывает отторжение и сама по себе: она воспринимается как угасание жизни, то есть как полужизнь-полусмерть, полнота же «в эпоху моделей» считается эстетически непривлекательной.

довольно долго удавалось совмещать преимущества опыта, власти, капитала, знаний, авторитета, которые они приобрели в молодые и зрелые годы (жизненный опыт и знания в те времена – в XVII–XIX веках – не девальвировались, как сегодня, за какие-нибудь 5-10 лет), с характерным и для традиционного общества³, и для христианского мирозерцания уважением к старости, а в особенности – к старости глубокой, дожить до которой удавалось немногим.

Но такое положение сохранялось лишь до тех пор, пока новые жизненные установки элиты (гуманизм, индивидуализм, творчество и т. д.) были «точками роста» в окружении весьма еще патриархального, почвенного быта народных масс, сохранявших ментальные установки и образ жизни традиционного общества. Со смертью деревни это общество умерло, а вместе с ним и те основания, на которых покоилось почтение народа к «преклонным летам» и «сединам». По мере того как скорость модернизации Европы и Америки возрастала и локомотивы цивилизации (столицы и крупные промышленные центры) освобождали деревенских уральней и «вообще провинциалов» от «идиотизма деревенской жизни» (как изящно выразился К. Маркс) – уважение к старости падало, чтобы, наконец, смениться массовым страхом перед ней. Ускоренное обновление знаний, умений, навыков, технологий, образа жизни обесценивало – в глазах общественного мнения – опыт и знания пожилых людей, а мода на практический атеизм дискредитировала свойственную старикам набожность⁴ и их «природную» (возрастную) склонность к аскетизму. Консерватизм стариков, осторожность и взвешенность принимаемых ими решений, стремление по мере сил содействовать сохранению «привычного» им по годам молодости и зрелости и проверенного жизнью «порядка вещей», а также их желание передать свой опыт молодежи чем дальше, тем больше воспринимались общественным сознанием негативно, как препятствие на пути «общественного прогресса».

Все это вело к девальвации символической ценности старости, и уже с конца XVIII-го столетия (а в особенности – со второй половины XIX-го века) пожилой человек все чаще воспринимается как *враждебная* политическому и социальному *прогрессу* сила, как «оплот реакции», мешающий «молодым, новым поколениям» осуществить революционный скачок к социальному совершенству и явить миру торжество свободы и справедливости. Даже после того, как обнаружилась деструктивность таких попыток и социалистическая идеология «грядущего рая» полностью себя дискредитировала, Запад сохранил – как не подлежащую переоценке ценность – веру в насущную необходимость перманентного обновления жизни (уже без идеологизирующей привязки становления к конечной «цели развития», без упования на всеобщий «социальный катарсис» в финале истории). Движение – все, его завершение – ничто. Но в этом вечном становлении массовое сознание эпохи потребления усматривает имманентную ему «цель» – извлечение из жизни максимума удовольствий, достижение стопроцентного (в идеале) использования психофизических ресурсов собственного тела на предмет извлечения из него «радостей жизни» (тело здесь оказывается одновременно и фабрикой, и сырьем для переработки)⁵. Императив «интенсификации потребления» – один из необходимых

³ «Снизу» европейское общество сохраняло традиционный уклад и традиционные ценности где до XVIII-го, а где и до второй половины XX-го века (Россия).

⁴ Если есть возраст, благоприятствующий богоборчеству, – отрочество, юность, то есть и возраст, располагающий к вере, – старость.

⁵ Оппонирующая обществу потребления «интеллектуальная левая» отвергает культивируемый масс-медиа принцип потребления и удовольствия и выдвигает на первый план понимание жизни как перманентного протеста против любых форм репрессивной (по своей природе) влас-

моментов в стратегии «экономического роста» и важный стабилизирующий фактор общества, устойчивость которого – это *устойчивость перманентно обновляющегося потребления*. Но *динамизм, пафос самоутверждения и стремление к новому соответствуют молодости, а не старости*. Вот почему сегодня считается, что именно на молодость как на лучший из возрастов должны равняться представители всех поколений⁶. Зрелый и пожилой человек просто обязаны поддерживать в себе «молодой задор», чтобы быть *современными*. А быть современным (молодым) – значит избегать долговременных привязанностей и обязательств ради сохранения «мобильности» и открытости всему «новому», «модному», «актуальному».

Остановимся чуть подробнее на потребительском каркасе современной цивилизации в том ее аспекте, который имеет отношение к геронтофобии. Трудовую этику эпохи модерна, пришедшую на смену религиозному аскетизму и пафосу нестяжания, сегодня все активнее вытесняет гедонистическая по своей сути «этика потребления» (больше потребляя сам, ты способствуешь интенсификации потребления другими). Однако *господство принципа потребления и удовольствия* с необходимостью ведет к отталкиванию от старости, которая – в том, что касается потребностей, желаний и «воли к потреблению», – явно не может составить конкуренции другим возрастным категориям (в особенности же – молодежи). Вот почему многие старики, выросшие в обществе потребления и принявшие предложенные им правила игры, «от всей души» молодятся и стараются идти в ногу со временем, поскольку быть *хорошим потребителем* – значит быть *молодым потребителем*, то есть многого желать, идти на поводу у соблазнов, быть готовым «купиться» на новое (пусть и бесполезное, эстетически безликое, но модное, «крутое»). Быть молодым (в консьюмеристской интерпретации молодости) – значит стремиться к *лидерству в потреблении*, к тому, чтобы потреблять больше, чем окружающие, и демонстрировать таким образом себе и миру собственную состоятельность (быть состоятельным – значит *быть в состоянии оплатить самое новое и дорогое* в ежедневно обновляемом потоке товаров и услуг).

Однако даже зрелый человек не может поддерживать ту скорость, с которой его молодой конкурент (особенно подросток, юноша) переходит от товара к товару, от новинки к новинке⁷. Что уж тут говорить о человеке пожилым, тем более – старом! Ясно, что *он и не может, и не хочет* потреблять, как молодой. И *если он все же порой и пытается это делать*, то под давлением «извне». «Молодежный стиль жизни» (а вместе с ним и стиль потребления) навязывается ему обществом, которое через свои масс-медиа представляет молодость как идеальный образ «человека вообще», а молодежный «образ жизни» – как образец «человеческого поведения», не следуя которому не стоит и рассчитывать на уважение со стороны окружающих.

ти, против любых форм неравенства во имя свободы и *интенсивности* жизни (пусть даже это будет интенсивность боли, шока, страдания). Здесь безостановочное движение замыкается не на потребление и удовольствие, а на само движение: критика ради критики (ради сохранения критической дистанции к власти, к миру, к другому и к самому себе), интенсивность ради интенсивности, бунт ради бунта.

⁶ Исключение составляет, пожалуй, детство, которому еще допускается быть похожим на самого себя, да и то только потому, что детство трогательно в своей непосредственности и доверчивости к тому, что его окружает. Детство никогда не пугает, напротив, оно внушает и молодому, и взрослому человеку приятное чувство превосходства над наивностью «несмышлениша».

⁷ Правда, взрослый потребитель может компенсировать снижение мобильности перехода от услуги к услуге весомостью покупок и увеличением расходов «на дом и семью» и тем реабилитироваться в глазах общества.

Впрочем, есть и другие, *более весомые* причины страха перед старостью, так что «отсталость» стариков, их неспособность поддерживать высокие стандарты скорости и активности в потреблении товаров, услуг, информации – это лишь одна (и *не самая главная*) причина геронтофобии.

Геронтофобия и бегство от реальности. «Избегание старости» – прямое следствие неспособности осмыслить свою жизнь как целое, то есть осмыслить ее «перед лицом смерти». Но именно проблему смерти, а стало быть, и жизни в ее целостности ставит перед человеком старость. Пост-христианское общество позднего модерна (модерна после модерна), утратившее веру в Бога и воскресение мертвых, оказалось не способно придать жизни иной (не религиозный) смысл. С «выпадением» трансцендентной инстанции божественного «отнести» жизнь стало не к чему, и человеческое бытие оказалось незавершенным, неоправданным и неосмысленным. Но для того, кто вырос в пост-христианском, индивидуализированном мире, а не в «роевом» мире патриархально-родовой архаики, такая неприкаянная жизнь – это рана, которая болит и кровоточит, побуждая к использованию все новых средств обезболивания (привыкание к новому наркотикотранквилизатору происходит быстро) и к поиску таких впечатлений и такого способа организации жизни, которые были бы способны отвлечь от боли, «заглушить» ее (когда внешние раздражители слабеют, она становится более ощутимой). Причина этой «нефизической» боли (ее пато-логия) в том, что пост-христианский человек, *потеряв веру* в Богочеловечество Христа и Его обетования, *не утратил* пока что *ни сознания ценности индивидуального, личного существования, ни сознания своей конечности* (смертности). Но сознание конечности, условности существования *исключает безусловную ценность индивидуального существования* (существования, которое М. Бахтин – в «Философии поступка» – определил как «единое и единственное бытие»), а любовное столкновение двух полюсов самосознания вызывает фрустрацию, порождает *страх перед травмирующей реальностью и приводит к вытеснению* в бессознательное *всего того, что эту реальность* (с конститутивной для нее конечностью, временностью, хрупкостью) *открывает*, приводит к сознанию, актуализирует.

Скорость на поверхности против глубины тайны. С выпадением из сознания среднего европейца метафизической Вертикали скорость «горизонтального» движения резко возросла. Конверсия – через ряд промежуточных этапов – веры в Бога и Его Царство в конкурентную борьбу за успех и процветание в мирских делах привело к «разволшебствованию мира» (см. «Протестантскую этику» М. Вебера) и к резкому – по историческим меркам – сдвигу от апологии постоянства (верность, преданность, честь) к легитимации общественной и личной динамики (творчество, успех, карьера как мерило состоятельности человека). Устранение метафизической Вертикали в обществе принудительного гуманизма (в обществе, поставившем на человека-как-свободного-деятели-и-творца) привело к выдвиганию на первый план феноменов *новизны* и *скорости* (скорости перемещения, коммуникации, скорости материального и символического производства и обмена и т. д.).

Богослов и мыслитель о. Александр Шмеман, размышляя о смысле американского *культа новизны* (впрочем, давно уже не только американского), пришел к мысли о его «религиозном» характере. Он увидел в нем «новый обряд», смысл которого состоит в том, чтобы **освободить человека от пугающей его тайны**, от непредсказуемой «глубины» мира и человека. Непрерывное обновление жизни с внешне-предметной ее стороны суть *форма защиты* «человека горизонтальности» от вторжения тайны, это проверенный, надежный способ воспрепятствовать «глубине» заявить о том, что она (глубина,

тайна) есть, присутствует в мире. Культ новизны, казалось бы, противоречащий «обрядности», сам является, по мысли Шмемана, частью нового обряда секулярного общества, его питательной средой. Функция «постоянного обновления» состоит в том, «что оно защищает человека от встречи с тайной жизни, с самим собой, с сущностью», поскольку такая встреча «возможна только при *остановке* жизни, при освобождении внутреннего внимания, освобождении его от внешнего»⁸.

Если традиционным обществам был присущ культ тайны и глубины, то для характерологии общества позднего модерна типичен своеобразный «культ поверхности» и *поверхностной новизны*. Поддержание высокой *скорости* движения по (на) поверхности и перманентного обновления впечатлений – важнейший элемент этого культа. При этом «новое поверхности», по определению, не должно быть «сложным новым» (это последнее допустимо лишь в актах коммуникации специалистов по тем или иным узким областям знаний) и тем более – «глубоким». Мера новизны нового должна быть такой, чтобы ее легко можно было распознать-распаковать и без промедления этот «свежераспак» (вещь, услугу, образ) употребить. Взглянул, попробовал новенького? – переход к другому, к новейшему! В сущности, другое, чтобы привлечь внимание потенциального реципиента, не обязательно должно быть новым, достаточно, чтобы оно таковым *казалось*, выглядело, «как новое». Очень часто новым оказывается просто «другое-такое-же» в качестве «приходящего на смену» этому (в семантической нише «нового дня, новой рубашки, нового знакомого» и т. д.), то есть новизна рождается здесь актом замещения одного – другим, тем, что ново не столько по качеству, сколько по времени появления в «горизонте сознания». «Минимально новое» – это «другое» в момент его появления. Чтобы такое «новое» имело элемент новизны (занимало внимание, развлекало-отвлекало от реальности), оно должно хотя бы немного отличаться от «предыдущего» и *непрерывно обновляться*⁹ (*множество «новых» вещей отличается от старых только своим дизайном*). Чтобы симулятивный эффект новизны (в качестве страховки от падения в глубину) доминировал, создавая впечатление «заполненности времени», *одно должно быстро* меняться на *другое*. На новом нельзя застревать надолго, поскольку тогда оно перестанет восприниматься как новое и на первый план выйдут другие свойства предмета: его полезность, красота, надежность и т. д.

Но вернемся к ключевой для XIX–XXI веков теме скорости. Наивысшая на сегодняшний день скорость достигнута в симулятивном пространстве масс-медиа (включая сюда и Интернет). И если уже обращенность к плоскости естественного от глубин священного привела к резкому ускорению темпа жизни¹⁰ (к взрывному увеличению числа новых и «как-бы-новых» вещей, знаний и способов взаимодействия людей друг с другом и вещами, протекающими «сквозь» сознание индивидуума за один месяц или, скажем, за год), то быстрота «горизонтального движения» в пространстве электронных медиа – это апофеоз скорости, это «девятый вал» новостей.

Однако поддержание высокой скорости требует упрощения (уплощения) и автоматизации отдельных движений-операций по предоставлению новой информации: чем

⁸ Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973–1983. М., 2005. С. 243.

⁹ Можно долго и без утомления смотреть в окно поезда, если проплывающие мимо вас ландшафты и вещи разнообразны, но если вы едете через степь или если перед вашими глазами лесополоса, посаженная вдоль железной дороги, то утомление наступает очень быстро.

¹⁰ А может быть и наоборот: увеличение скорости движения на поверхности (торговля, мануфактурное производство, печатный станок...) привело к отпадению от «глубин священного». Вопрос о причинах и следствиях – не вопрос данного эссе.

быстрее меняется на экране «видеоряд», чем выше темп речи диктора, тем проще и площе должны быть и «картинка», и текст¹¹. Закон подачи информации (универсально-го «наполнителя-успокоителя» сознания) прост: чем выше скорость движения потока из слов и образов¹², тем более одномерным (плоским) должно быть их содержание. Поток информации должен непрерывно и с нормальной для его перманентного потребления скоростью подаваться потребителю.

Беда, если хорошо знакомых вещей, мыслей, предметов в окружении человека становится много! Умножение привычного говорит о том, что скорость движения упала и вероятность опасной для выведенного на плоскость человека остановки, паузы значительно возросла. Для цивилизации, *порвавшей со стабилизирующей* (и ограничивающей подвижность, свободу мыслей и действий) *укорененностью в некотором над-индивидуальном* (ландшафтном, родовом, религиозно-культурном...) *начале во имя свободного перемещения по поверхности, молчание становится чем-то в высшей степени нежелательным*, угрожающим, опасным. Тишину (паузу) человек-находящийся-в-движении незамедлительно стремится чем-нибудь да заполнить (наиболее ходовые «начинки-наполнители» сознания – это работа, разговоры-не-важно-о-чем, игры, «просмотр» видео- и аудио-продукции, манипулирование с кнопками пульта управления мобильного телефона, компьютера, телевизора и т. д.). Человек цивилизации позднего модерна хорошо чувствует, когда именно он начинает «тормозить», и инстинктивно, доведенным до автоматизма жестом (давлением на нужную кнопку пульта управления сознанием) подводит к ушам «новую» музыку или «углубляется» в происходящее на экране телефона-монитора-телевизора «действие»¹³.

¹¹ Но скорость подачи информации имеет ограничения. Способность к восприятию «месседжа» рекламного ролика или порции свежих новостей падает, когда подача информации становится слишком быстрой (или, напротив, слишком медленной), поскольку считающая способность зрителя-слушателя ограничена возможностями аппарата слухового восприятия, так же как скорость звуковой подачи информации ограничена возможностями речевого аппарата диктора. В результате мы получаем усредненный по темпу и по смысловой насыщенности словесный поток, который позволяет удерживать внимание слушателя, не обременяя его сознание тем, что затрудняет «прием» и «расшифровку» информации, но и не давая ему отключиться от переливающегося всеми цветами радуги речевого потока за счет его насыщения «желтыми» словами, новостями и темами. Речь «говорящих голов» в «ящике» – это до блеска отшлифованная гладкая поверхность, скользкая по которой слушатель может преспокойно «спать на ходу».

¹² Важно отличать феномен времени от феномена скорости. Скорость – это мера *движения* (не важно – чего или кого), время же – мера *существования* того или иного сущего, отсылающая к началу (возникновению, рождению, изготовлению) и концу (увяданию/разрушению, смерть). Скорость – количество, время же (не астрономически-математическое, а экзистенциальное) определяет характер присутствия, его качество, ибо время по-разному обнаруживает себя в том, кто молод, и в том, кто стар.

¹³ Вероятно, многие имели возможность наблюдать весьма любопытный и очень характерный для современности феномен «непереносимости тишины», *silentia*-фобии (от латинского *silentium* – молчание, безмолвие), проявляющийся в самых разнообразных формах. Приведу только один пример на эту богатую тему. Всем, наверное, приходилось встречаться с любителями отдохнуть «на природе», которые, добравшись до места, незамедлительно открывают двери своих авто и... включают «музыку» «на полную». Возникает вопрос – зачем? «Чтобы не скучно было». Отсутствие исходящего из динамиков звука, тишина вызывает у многих людей чувство беспокойства, смутное ощущение, что им чего-то не хватает. Звук из динамика должен изгнать тишину и те негромкие звуки природы, которые помогают переключиться с судорожного ритма большого города на неспешный ритм природной жизни, перейти из режима деятельности и

Итак, высокая скорость поступления в сознание качественного «наполнителя» страхует современного человека от опасных для него замедлений и остановок (хотя полных гарантий не дает и она!). Образец и своего рода «канон» высокоскоростного режима жизни в потреблении задается движением-на-экране. Плоскость телевизионного экрана (экрана монитора, киноэкрана) с движущимися по нему картинками выполняет функцию идеальной модели симулятивного движения. Включенный, светящийся экран – это своего рода анти-икона. Если *смысл присутствия иконы в том, чтобы помочь человеку ощутить близость тайны, почувствовать прикосновение к ней*, то смысл экрана *в том, чтобы помочь ему избежать встречи с тайной*¹⁴. Для нас в этом избегании реальности важно то, что тайна – суть реальнейшее, она то, чего нельзя знать заранее, то, что само себя обнаруживает и не поддается контролю субъекта, а как раз наоборот: подчиняет себе субъекта, приковывает к себе его внимание. Тайна – и есть откровение безусловно реального (Реального с большой буквы), вероятность встречи с которым значительно снижается, когда мы утрачиваем связь с первичной реальностью.

Молот старости и реальность. Соединим теперь тему новизны, скорости и реальности с темой старости и рассмотрим, связано ли бегство от реальности с бегством от старости, и если связано, то каким образом. Для человека, избегающего глубины тайны, старение опасно тем, что оно принудительным образом – через накопленную за долгую жизнь телесную немощь и душевную усталость – снижает скорость движения по поверхности и делает возможной «остановку», паузу. Сама по себе остановка – это еще не встреча с тайной, это ее возможность. Замедление и остановку следует понимать как встречу *с первичной реальностью*, как встречу с тем, что самобытно и существует через возникновение и уничтожение. Но соприкосновение с реальностью, то есть с присутствием-отсутствием вещей (а не только с их «чтойностью»), как раз и «освобождает внутреннее внимание» и делает человека восприимчивым к тайне.

Соприкосновение с первичной реальностью (с миром, где мы родились), «замедление», «остановка» настраивают не на действие, а на созерцание и осмысление присутствующего и самого присутствия. Обществу, поддерживающему режим существования-на-поверхности, замедление скорости движения строго противопоказано, оно для него – «смерти подобно». Старику же встреча с реальным «угрожает» на каждом шагу. Болезни, слабость, «энергетический спад», невозможность осуществлять профессио-

перманентной загрузки сознания информацией в *режим созерцания* и медитации. И вот когда я вижу выстроившиеся на берегу реки или озера машины, извергающие в пространство «музыкальные ритмы» и скороговорку новостей, то я думаю о противоречивости желаний отдыхающих «на природе» людей. Они явно стремятся оторваться от искусственной, симулятивной среды современного города, и они же, очевидно, боятся из нее выпасть и остаться в тишине, наедине с собой. Тишина, молчание – непереносимы. При этом отдыхающие данного типа искренне думают, что «любят природу» и знают, как отдыхать правильно.

¹⁴ Экран – это привилегированное место профанирующего дублирования жизни на плоскости. Все, что оказывается в его пространстве, утрачивает свой исходный онтологический вес. Что, к примеру, происходит с искусством или с богослужением, когда их превращают в телезрелище? Они профанируются. Балет в Большом театре – это одно, а его демонстрация на экране – совсем другое. Представление на телеэкране Пасхального богослужения трудно квалифицировать иначе, как профанацію священного, превращающего мистерию в шоу (профанным оказывается все, что предстает перед нами в мутном потоке телеэфира, где выведены на плоскость и соседствуют «на равных» реклама памперсов и политреклама, богослужение и стриптиз-шоу...). На литургии – стоят. Перед TV – сидят, лежат, жуют.

нальную деятельность оставляют его один на один с реальностью, с работой времени и с тайной смерти, обнажающей «поверхностность поверхности» (бессмысленность существования, построенного на избегании тайны). *Молот старости разбивает* окутывающие человека *симулятивные оболочки, сводит его с первой реальностью*, что представляет собой угрозу стабильности общества, производящего симулякры. Старость – это тот феномен (к счастью, не единственный), благодаря которому человек все еще сохраняет связь с первичной реальностью, препятствующей окончательному окукливанию «живой жизни» в коконе, свитом из бесчисленных нитей симулякров и симуляций.

Островки первичной реальности – это, с одной стороны, плоть и все, что с ней связано, а с другой – дух, который «веет, где хочет». Для нашей темы важно то, что состояние человеческой плоти в разные периоды человеческой жизни открывает разные возможности для приобретения опыта онтологической Вертикали, для встреч с Другим. Болезни и старость, помещающие человека в пограничную ситуацию, облегчают возможность такой встречи, а стало быть, и возможность обрести дистанцию по отношению к «горизонтальному раю» медийной цивилизации. И хотя медицине сегодня в значительной мере удалось победить боль, но уничтожить болезнь как таковую пока не получается (и, думаю, не получится). Старость и смерть, не смотря на упорные попытки преодолеть их или хотя бы поставить под контроль посредством техники, нейтрализации не поддаются, так что стариков приходится как-то костюмировать под молодых (выходит смешно) или изолировать их в домах для престарелых¹⁵. В том же, что касается смерти и погребения умерших, – то здесь доминирует стремление к обрядовому минимализму и сокращению времени соприкосновения живых с умершими.

Нельзя, конечно, утверждать, что вопрос о старости сегодня полностью игнорируется. Напротив, о ней говорят больше, чем когда-либо в прошлом (впрочем, «больше» сегодня говорят обо всем, даже о том, о чем лучше молчать). Однако «проблему старости» обычно рассматривают в аспекте «физики» (био-физики, психо-физики, социальной физики), что нацеливает на поиск ее технического решения и, соответственно, ведет к редукции «вертикального» аспекта проблемы. За пределами обсуждения биофизических причин старения и технических проектов достижения «практического бессмертия» тема старости и смерти (в масс-медийном пространстве) почти не обсуждается. Люди ведут себя так, как если бы никто не старел и не умирал. Старость, болезнь и смерть «обезвреживаются» привычным жестом «выведения на экран».

Но если болезнь, старость и смерть как проводники реального вытесняются¹⁶, то ожиревшие в пространстве масс-медиа симулякры красоты, привлекательности и успеха выдвигаются (в образе цветущей молодости) на авансцену общественного сознания. Молодых и зрелых людей общество потребления заботливо оберегает от опасных встреч со старостью, «спасая их» от опасных и глупых («нетехнических») вопросов о смысле безостановочного движения. Создается впечатление, конечно, обманчивое, что инфор-

¹⁵ Старики (преимущественно на богатом Западе) молодятся еще и потому, что знают: как только их тела видимым образом одряхлеют, многим из них придется переехать в одну из специально выделенных для них резерваций, именуемых «домами престарелых», где они могут стареть с комфортом, «под присмотром специалистов».

¹⁶ Впрочем, что касается болезней, то о них мы сегодня знаем в основном благодаря масс-медиа. Там они предстают перед нами как такие «враги здоровья», которых всегда можно победить, если вовремя и правильно выбрать лекарство и обратиться в нужную клинику. Отдайте себя и свою болезнь специалисту, а остальное – дело техники, вот основной мотив рекламы медикаментов и рекламных передач о здоровье.

мационная цивилизация извлекла урок из истории молодого царевича Сиддхартхи Гаутамы (Будды). Как все мы помним, «новая жизнь» Гаутамы началась с четырех известных встреч: встречи со стариком, с прокаженным, с похоронной процессией и с отшельником. Сегодня наша цивилизация знает много способов, как помочь молодежи избежать соприкосновения с «мрачной стороной жизни» и уберечь ее от ненужных вопросов... Впрочем, полностью избежать этого не удастся даже с помощью технологической мощи информационной цивилизации: болезни, старость и смерть продолжают напоминать о реальности времени как о судьбе сущего.

Людей обезболивают, но у них все равно «болит». Попытка уйти от травмирующей человека позднего модерна реальности посредством техник «обезболивания» и «омолаживания» тела таит в себе серьезную экзистенциальную угрозу: обезболивание может деформировать, а то и вовсе разрушить чувство реального присутствия в мире. Отношение «обезболенного человека» к реальности далеко от однозначности.

«Герою» нашего времени, спрятавшемуся в кокон «гипер-реальности», больше всего хочется *настоящего* (настоящей любви, дела, радости, боли...), но в то же время именно ее, реальности, в которой рождаются и умирают «непонарошку», он боится больше всего на свете. *Жажда реального сегодня столь велика, что рядом с ней можно поставить только страх перед реальностью. Страх этот заставляет человека все увеличивать и увеличивать скорость перемещения по плоскости социально-информационного пространства с тем, чтобы свести к минимуму возможность остановки и встречи с реальностью и тайной.* Жажда реального прямо пропорциональна «дереализации» жизни, запутавшейся в сетях безродных «вещей на час» и в гиперреальной сети виртуального. Ни эстетически, ни этически цивилизация экрана не приемлет старого и ветхого, отталкивая их как то, что принадлежит чуждому ей «первичному миру» рождений и смертей.

Вместо заключения. Итак, геронтофобия питается страхом перед реальностью и бессознательным стремлением уйти от фундаментального для человека сознания конечности собственного существования. Это стремление осуществляется через подстановку на место первой реальности автореферентной квазиреальности симулякров, удерживающей на себе внимание пост-христианского человека и страхующей его от «остановки» и «освобождения внутреннего внимания». В этой симулятивной реальности ничто не рождается и не умирает, в ней все взаимнообратимо, в ней царят скорость и новизна. Но старение человеческого тела приводит к падению скорости скольжения в застроенном симулякрами пространстве повседневности, так что первая реальность, а с ней и восприимчивость к эсхатологической сути существования мало-помалу всплывает «на поверхность» и требует от пожилого человека перестройки сознания и выработки нового (старческого) этоса.

Этот этос может приобретать типологические различные формы. Но *позитивная модель старости* обязательно предполагает осознание и *принятие* старости. Принятие-приятие старости является *условием* выработки ее позитивной модели, поскольку оно по-новому открывает реальность. Принятие старости рождает другое «чувство жизни», иное переживание своего присутствия в мире. Человек, изживший жизнь, освобождается от того, что делало мир чем-то слишком человеческим, слишком *его* миром, миром, в котором большое могло оставаться невидимым, а периферийные частицы мира, прилепившись к самоуверждающемуся в нем «я», казались горами и закрывали горизонт своими вершинами. Принятие старости (отрыв от жизни) помогает человеку хотя бы «под занавес» поставить вещи «на свои места», а точнее, *оставить* вещи на

своих местах. Старик, до конца принявший свою старость, уже ничего от жизни не хочет. Он уже никому ничего не доказывает, в том числе – и самому себе. Он ни к чему не стремится, ничего не «достигает». Для него *все* – уже в прошлом, все – прошло. Что же он *«делает»*? В том-то и дело, что он уже ничего не делает и об этой своей бездеятельности ничуть не жалеет. Он просто присутствует. Старик – младенец, но младенец, видящий мир «последним» глазом и понимающий видимое. Иной глаз. Иной ум. Иное сердце. Взгляд «оттуда».